

**МАРК АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА:
ГОРЯЧАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ ХОЛОДНЫЙ РАСЧЕТ?**

*А. П. Беликов
(Ставрополь)*

На год, на месяц, на один час желала бы я
совершенно забыть политику, народ, пыш-
ность моего трона и быть просто любящей
женщиной!

(Р. Хаггард. Клеопатра)

Отношения Марка Антония и Клеопатры, столь красочно описанные в источниках, уже больше двух тысяч лет никого не могут оставить равнодушным: сильные личности, яркие страсти, роковые судьбы. Традиция полного доверия к источнику, долго господствующая в антиковедении и некоторая наивность исследователей предыдущих эпох привели к тому, что никто не сомневался—именно так все и было: великая любовь, которая стала буквально нарицательной. Лишь более рациональный и несколько циничный XX век осмелился подвергнуть это сомнению. Коррозия скептицизма начала разъедать миф¹. Некоторые исследователи пессимистично замечают, что мы никогда не будем знать наверняка, для себя самой или же для достижения власти использовала царица свое «сексуальное очарование»². Историография проблемы огромна, почти каждый год появляются новые книги, посвященные ей. И главный вопрос последних десятилетий: а была ли любовь? Если да, то взаимная ли?

Попытаемся ответить на этот вопрос через призму психологии межличностных отношений, принципов, определяющих любовные отношения вообще. Больше внимания уделяется Клеопатре, трагедии царицы и трагедии женщины. Сразу отметим: отрицательное отношение к ней, господствующее в источниках, объясняется тем, что она «чу-

¹ Фрэн И. Клеопатра, или неподражаемая. М., 2001. С. 33.

² GREEN P. Alexander to Actium. The historical evolution of the Hellenistic age. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 661 f.

жая». И не просто чужая, а еще и царица чужого государства, с которым Рим вел войну, следовательно—подлежащая дегуманизации в пропагандистской войне представительница экзотического и *испорченного* Востока. К тому же—женщина. Более того, пытавшаяся *управлять* мужчиной и римлянином, что по римской ментальности считалось недопустимым. Зная о зависимости и внушаемости Антония, Октавиан распространял слухи о том, что тот стал рабом царицы, и мог говорить в сенате о глупости и даже безумии противника³, ибо по римским понятиям только безумец мог находиться в подчинении у женщины. Прекрасно поставленная пропаганда против Антония твердила, что он потерял разум в вине и женщине⁴.

Крайняя враждебность к царице видна в творчестве выдающихся римских поэтов—Горация, Вергилия, Проперция⁵. Великий Гораций подобрал для нее весьма оскорбительное определение—*fatale monstrum* (Ног. *Od.* I.37). Можно согласиться, что неприязнь античных авторов к Клеопатре—проявление сексизма⁶.

Парадоксально, но мы ничего не знаем об интимной жизни той самой Клеопатры, которая является для нас олицетворением любви⁷. У нас нет ни малейших оснований считать Клеопатру развратной женщиной. Знаменитый пассаж Секста Аврелия («Она была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи»—LXXXVI.2) имеет совершенно сказочный характер и не может восприниматься всерьез. Секст Аврелий автор поздний и плохо информированный, само упоминание им необычной красоты царицы, что противоречит всем свидетельствам изобразительных источников, показывает, чего стоят его слова. Любвеобильность царицы—миф⁸, он потому и оказался столь живучим, что люди любят мифотворчество. Утверждения об аморальности Клеопатры—это в значительной степени результат воздействия поздней пропаганды⁹. Возможно, в ее жизни действительно было всего лишь 2 сексуальных партнера¹⁰. Подобно другим эллинистическим царицам, она была пассионарна, но никогда

³ См.: BUDGE E.A.W. A History of Egypt. Vol. VIII. Egypt under the Ptolemies and Cleopatra VII. London, 1902. P. 103.

⁴ См.: STARR C.G. A History of the Ancient World. Oxford, 1965. P. 550; KRAWCZUK A. Kleopatra. Wrocław, 1975. S. 30.

⁵ См.: GRIFFIN J. Propertius and Antony // JRS. 1977. Vol. 67. P. 17.

⁶ Хьюз-Хэллет Л. Клеопатра: Правда, легенда, ложь. М., 1999. С. 72 ff.

⁷ Декс П. Клеопатра. Ростов-на-Дону, 1998. С. 30.

⁸ Томашевич О. Пояснения к иллюстрациям вместо послесловия // Фрэн И. Указ. соч. С. 469.

⁹ WEIGALL A. The life and times of Marc Antony. London, 1931. P. 292.

¹⁰ Хьюз-Хэллет Л. Указ. соч. С. 30.

не отличалась неразборчивостью¹¹. С ее обаянием и ее царским саном она могла бы утопить Египет в разврате, но даже враги никогда не обвиняли ее в этом. Единственный кроме Цезаря и Антония любовник, которого ей, и то без полной уверенности, приписывали современники, был Гней Помпей-младший¹². Амбициозная женщина стала добросовестным правителем, сконцентрированным на делах и начисто лишенным чувственности, она жила «крайне целомудренной жизнью»¹³, и очень подолгу обходилась без мужчины. Увлеченный ею Антоний часто и легко изменял ей, она же, не любя его—не изменила ему ни разу. Не будучи любвеобильной женщиной, она не желала рисковать приобретенным, ею владела мысль о политической выгоде, а не стремление к наслаждению или уязвленное самолюбие¹⁴.

Царица применяла типичные, даже классические женские уловки, чтобы завоевать и удержать Антония (см.: Plut. *Ant.* 26 sq.; 53). Все те приемы и уловки, которые пускает в ход женщина, если мужчина ей интересен или *нужен*. Она воздействовала на него через общих знакомых и своих приближенных, отвращая его от Октавии (см.: Plut. *Ant.* 72). Но при этом к Антонию она относилась несколько иронично (см.: Plut. *Ant.* 29).

Она была хорошим политиком и умелым дипломатом. Царица нравилась египтянам, что удавалось очень немногим Птолемям. Она даже выучила египетский язык, чтобы стать ближе своим подданным и реально заботилась о благе государства. Правда, для нее забота о державе одновременно была заботой о себе самой.

Клеопатра всегда уважала силу и авторитет. Жизнь в условиях интриг и борьбы за власть сделала ее жестокой и бескомпромиссной правительницей. Она рано поняла, что проигравший правитель теряет все, в том числе—жизнь. Поэтому для нее борьба за власть была равнозначна борьбе за жизнь. Легко и без раздумий она обрекла на смерть родную сестру Арсиною, которая пыталась отобрать у нее власть. Жестко и бескомпромиссно вела себя с родным братом-соправителем, второго брата сумела поставить в совершенно ничтожное положение. Нельзя исключить, что второй брат-соправитель действительно был отравлен по ее приказу. Ради власти Клеопатра была готова на все. Тем более после того, как у нее родился ребенок от Цезаря—она хотела сберечь для наследника свое царство, доставшееся ей в нелегкой борьбе с братом. Царица просто не могла позволить себе быть слабой женщиной и лишала себя того, что было доступно любой простолюдинке:

¹¹ GREEN P. Op. cit. P. 662.

¹² ДЕКС П. Указ. соч. С. 31.

¹³ LINDSAY J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. London, 1936. P. 226.

¹⁴ См.: ДЕКС П. Указ. соч. С. 192.

любить беззаветно и безоглядно. Возможно, она действительно «никогда никого не любила»¹⁵.

Не приходится сомневаться, что Клеопатра была нестандартной и сильной женщиной. Сильной и умной женщине очень трудно найти равного себе и достойного ее мужчину. Ей трудно *полюбить*, поскольку интеллект и аналитичность мешают ей смотреть на мужчину через «розовые очки». Однако главная слабость любой женщины, даже самой умной, заключается в том, что она остается женщиной. Потребность в любви, по крайней мере, быть любимой, присуща и сильным женщинам. Как и потребность в стабильности и надежности, сильном плече рядом. И, что для женщины очень важно, чувство защищенности, которое дает ей только *ее мужчина*. В силу некоторых психологических особенностей представительницы прекрасного пола переносят одиночество намного тяжелее, чем мужчины. К тому же общественное мнение любую женщину, не имеющую мужа или хотя бы любовника, воспринимает как «невостребованную», не реализовавшую свою женскую сущность, что больно ранит ее самолюбие.

Зрелая «состоявшаяся» женщина, избавившаяся от девичьих грез, прекрасно понимает—идеальных мужчин не бывает. Именно поэтому она зачастую терпит рядом с собой партнера, весьма далекого от ее представлений об идеале. При этом нет ни одной женщины, которая в глубине души не надеялась бы перевоспитать своего избранника и сделать его лучше, по принципу: материал хороший, но требует большой работы. Очевидно, Клеопатра воспринимала гордого римлянина именно так. Прекрасно видя его недостатки и слабые стороны, она пыталась направлять его действия, иногда делая это достаточно настойчиво и прямо.

Если мужчина сумеет стать для женщины одновременно любовником, другом, опекуном—она, как минимум, будет испытывать к нему чувство благодарности. Естественным развитием этого чувства станет привязанность, доверие и даже привычка к нему. Это, конечно, не любовь, но у нормальной женщины появляется желание, в свою очередь, заботиться о нем. Тем более, что делая это, она заботится о нем «для себя». В этом и заключается главное отличие: когда любят, то любят не для себя, а «для него».

Антоний, пусть во многом вынужденно, под давлением обстоятельств, стал для Клеопатры как раз таким мужчиной: любовником—другом—опорой. Она возложила на него все свои надежды. Представляется, что на самом деле она его не любила.

Характерная деталь: Клеопатра обманула Антония, отправив к нему слуг сообщить, что она уже мертва. Это трудно объяснить лишь ее

¹⁵ TARN W.W., CHARLESWORTH M.P. The triumvirs // САН. Vol. X (1934). P. 35.

страхом перед его «гневом и отчаянием» (Plut. *Ant.* 76), скорее, она уже внутренне отошла от него, и думала только о себе самой. По мнению Плутарха, царица всегда лишь притворялась без памяти влюбленной в триумвира (ibid. 53). Такая оценка в старой историографии являлась доминирующей.

В случае с Антонием ситуация кажется яснее, старая историография не подвергает сомнению его великую любовь к царице¹⁶, новая—констатирует, что чувства сочетались с расчетом¹⁷ и любовь соединилась с политикой¹⁸. Но даже некоторые современные историки верят, что это была взаимная любовь¹⁹, или констатируют, что триумвир действительно «был очарован красотой Клеопатры»²⁰. Другие исследователи чувства отрицают начисто, сводя все исключительно к политической необходимости²¹. Биограф Марка Антония Дж. Линдсэй полагал, что Антоний влюбился в царицу, став трагически зависимым от нее, только после того, как потерял все²².

Такой разноречивой оценок легко объясним: любой исследователь вносит в свой труд присущие только ему взгляды, вкусы, симпатии, жизненный опыт, характер—все то, что формируется генетически, воспитанием, окружающей средой и массой других привходящих обстоятельств. Воистину прав Цви Яветц, меланхолично заметивший:—«в истории только хронология и география объективны, дух времени, оценка и выбор фактов—в высшей степени субъективны»²³.

¹⁶ Нич К.В. История Римской республики. М., 1908. С. 519; TARN W.W., Charlesworth M.P. The war of the East against the West // САН. Vol. X (1934). P. 66—Антоний потерял полмира за любовь.

¹⁷ КОВАЛЕВ С.И. История Рима. 2-е изд. Л., 1986. С. 460; Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 83; МЕЖЕРИЦКИЙ Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Калуга, 1994. С. 155; WORMAN A.K. Egypt after the Pharaohs. 332 BC.—AD. 642. California, 1986. P. 34.

¹⁸ БЕНГТССОН Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 349.

¹⁹ ОСТЕРМАН Л. Римская история в лицах. М., 1997. С. 373 сл. В свое время так же полагал и Ф.Ф. Зелинский—см.: Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб., 1999. С. 55, 49.

²⁰ ХАФНЕР Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. М., 1984. С. 55; ЛУБЧЕНКОВ Ю, РОМАНОВ В. Любовь и власть. Исторические миниатюры. Т. 1. Вильнюс, 1991. С. 51; БОРУХОВИЧ В.Г. Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993. С. 120; ФРЭН И. Указ. соч. С. 395.

²¹ ПАРФЕНОВ В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 109 сл.; ДЕКС П. Указ. соч. С. 259, 277; SWANE J.W. The Ancient World. Vol. 2. The World Empires: Alexander and the Romans after 334 BC. New York, 1950. P. 357, 361; WEIGALL A. Op. cit. P. 301; Green P. Op. cit. P. 672.

²² LINDSAY J. Op. cit. P. 274.

²³ YAVETZ Z. Augustus. The Victory of Moderation. Tel-Aviv, 1988. P. 194.

Попробуем предельно объективно оценить друга, любовника и мужа Клеопатры. Антоний был красив, щедр, гуляка, весьма женолюбив и пользовался успехом у женщин (Plut. *Ant.* 2; 4; 9). Но при этом Плутарх отмечает его хвастливость, высокомерие, большое самомнением, огромное честолюбие (ibid. 4), и даже утверждает, что он был простак и тяжелодум (ibid. 24). Возможно, эти оценки не вполне объективны, но недостатки у Антония, разумеется, были. Традиционное восприятие его старой историографией—«даровитый, хотя и легкомысленный человек»²⁴. Все сохранившиеся изображения Клеопатры показывают—она была далеко не красавица. Однако она обладала шармом, умением подать себя и, как пишет Дион Кассий, «восхитительным голосом» (XLII.34). Римляне, видевшие ее, знали, что красотой и молодостью она уступала Октавии (Plut. *Ant.* 57). Антония, падкого на пышность и внешний блеск, она покорила эффектом своего хорошо продуманного появления в Тарсе.

Тарс, действительно, стал триумфом Клеопатры²⁵. Проведя с триумфировом зиму 41–40 гг. до н. э. в Александрии, она ослепила его окончательно. На монетах Антоний изображался как преемник Цезаря и глава всей «цезарианской партии»²⁶, ему было вдвойне лестно покорить царицу и в этом тоже стать преемником Цезаря, унаследовав не только его ауру, но и его женщину.

В мотивации поступков Антония важно отметить вынужденность практически всех его действий на Востоке. Отрезав себя от Италии и Запада, он вынужден был все глубже погружаться в Восток, пока не завяз в нем окончательно. Можно согласиться с мнением В.Н. Парфенова—«Антоний должен был действовать по сценарию, соавторами которого были Октавиан и Клеопатра»²⁷.

Антоний нуждался в деньгах, войсках, флоте, все это он мог бы взять в Египте силой, но осложнил бы себе последующую жизнь²⁸. А царица могла дать ему все это без войны, и сверх того—свои ласки. При длительных разлуках он не тосковал и не скучал по ней.

Запад был для него потерян—оставался Восток. С его помощью он надеялся вернуть Запад и объединить их под своей властью. Возмож-

²⁴ ВЕЙССЕР Л. Картинный атлас всемирной истории. Т. 1. История древнего мира. СПб.; М., 1866. С. 266.

²⁵ ELGOOD P.G. The Ptolemies of Egypt. London, 1938. P. 211.

²⁶ MORAWIECKI L. Political Propaganda in the coinage of the Late Roman Republic (44–43 BC.). Wrocław, 1983. P. 54.

²⁷ ПАРФЕНОВ В.Н. Указ. соч. С. 117.

²⁸ РОСТОВЦЕВ М.И. Рождение Римской империи. Общий очерк. Пгр., 1918. С. 94; ROSTOVITZ M. A History of the Ancient World. Vol. 2. Rome. Oxford, 1924. P. 154; MARSH F.B. A History of the Roman world from 146 to 30 BC. London, 1934. P. 295 f.

но, сначала Восток мыслился ему только средством для достижения поставленных целей²⁹. Из Италии его вытеснила не только умелая политика Октавиана, но и собственные ошибки и недочеты Антония. Для него Восток был предпочтительнее Запада: в Италии жили ветераны Цезаря, которые контролировали триумвиров и при необходимости одергивали их, а в Египте или Азии авторитарный Антоний чувствовал себя намного свободнее³⁰, что больше подходило его натуре. Монархические устремления Антония³¹ здесь ни при чем, почтение, проявляемое к нему как к римскому триумвиру, он в силу некоторой наивности воспринимал как знаки уважения к себе лично. Импульсивный, увлекающийся и внушаемый, он был покорен тем, что его принимали как полубога—как и любого другого римского полководца³², за которым стояла мощь Римской державы.

Восток был богаче Запада, деньги, собранные Антонием в восточных провинциях, он никогда бы не смог выбить из Италии³³. Однако, сделав ставку на материальное, он проиграл морально—римляне не могли допустить, чтобы триумvir победил квиритов, опираясь на восточные полчища. Главная причина поражения Антония—не его «любовь к царице»³⁴, а то, что он утратил связи с коренными римскими землями³⁵, всегда являвшимися основой и стеновым хребтом римского господства над миром. Октавиан, опирающийся на Италию, мог набирать в ней сколько угодно опытных испытанных воинов, у Антония отныне не было такой возможности³⁶. Восток без римских легионов был колоссом на глиняных ногах, а перед Италией был поставлен выбор—или рабство у Клеопатры, которая сделала своим рабом Антония, или приоритет интересов квиритов, защитником которых выставлял себя Октавиан³⁷.

Неизбежность войны с Октавианом привела Антония к окончательному разрыву с Западом, впредь все свои надежды он должен был связывать с Востоком. Поэтому развод с Октавией—чисто политичес-

²⁹ Межеричкий Я.Ю. Указ. соч. С. 154.

³⁰ Парфенов В.Н. Указ. соч. С. 108.

³¹ Машкин Н.А. Принципат августа. М.; Л., 1949. С. 215.

³² Межеричкий Я.Ю. Указ. соч. С. 154.

³³ См.: Ильинская Л.С. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 223-224.

³⁴ Остерман Л. Указ. соч. С. 373.

³⁵ См.: ERMATINGER J. The end of the Second triumvirate // Historia. 1993. Bd 42. Hft 1. P. 110.

³⁶ KERRIE L. Army and Society in the Late Republic and Early Empire // War as a Cultural and Social Force. Essays on Warfare in Antiquity / Ed. by T. Bekker-Nielsen and L. Hannestad. Kobenhavn, 2001. P. 131.

³⁷ См.: Ростовцев М.И. Рождение Римской империи. С. 92–95; он же. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2000. С. 44–45.

кая акция, а не показатель его отношения к законной супруге. Попытка примириться с Октавианом посредством брака с его сестрой не удалась, посему с позиций политической рациональности сам этот брак стал не нужен. Получив от Октавиана письмо, после которого война с ним стала неизбежной, Антоний и развелся с его сестрой. Следуя восточным традициям, следовало оформить «династический брак» с царицей. Однако развод с благородной римлянкой окончательно отвратил от Антония симпатии квиритов³⁸—ведь он променял Октавию на «варварскую царицу». Наконец, по римскому праву брак римского гражданина с иностранкой не считался законным.

Во всем этом нельзя видеть исключительно только политический расчет. Важны и чисто психологические мотивы—слабый мужчина не может долго разрываться между двумя женщинами: морально это слишком тяжело. Устав «раздваиваться», он захочет стабильности и определенности, и вынужден будет определиться, сделав окончательный выбор. Только очень сильный мужчина с гибкой психикой и артистичной натурой способен вынести бремя «одновременной принадлежности» сразу двум женщинам. Прямому и довольно бесхитроственному Антонию это было не по силам.

По своим личностным характеристикам он был слишком управляем. Пока он следовал четким указаниям Цезаря, его карьера складывалась наилучшим образом. А сам он оставался в тени великого Юлия. Фульвия, первая жена Антония, была сильной и властной женщиной. Закономерно, что для серьезных отношений триумвира тянуло именно к таким дамам. Видимо, по принципу—в партнерше ищут то, чего самому не хватает. Сильный физически отважный воин и «блестящий офицер» Антоний *не был сильной личностью*. Не случайно Плутарх пишет: Фульвия замечательно выучила его повиноваться женской воле, Клеопатра получила из ее рук мужчину уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин (*Ant.* X). Плутарх полагал, что Клеопатра должна была быть благодарна бывшей жене триумвира, которая так хорошо выдрессировала его. Характерная деталь: Плутарх с момента, когда Антоний становится любовником царицы, описывая его состояние, применяет почти исключительно пассивные конструкции³⁹. К природным слабостям Антония добавилась любовь к Клеопатре (*Vell. Paters.* II.82.4), он отдался этой любви (*Sext. Aurel.* LXXXV.5) и запутался в сетях царицы (*Plut. Ant.* 25).

Вслед за источниками многие ученые полагают, что «Антоний полностью попал под контроль Клеопатры»⁴⁰. Крайним выражением такой

³⁸ TARN W.W., CHARLESWORTH M.P. *The War of the East against the West.* P. 97.

³⁹ ФРЭН И. Указ. соч. С. 319.

⁴⁰ ВЕБЕР Г. Курс всеобщей истории. Т. 1. История древности. М., 1860. С. 611; ШЛОССЕР Ф. Всемирная история. Т. 4. История древнего мира. Спб., 1862.

позиции является мнение Ч. Меривэйла—«Клеопатра хотела отучить Антония от его национальных идей и сделать его иностранцем и египтянином подобно себе, чтобы ему было невозможно вернуться в Рим»⁴¹. Еще дальше пошел Дж. Линдсэй: Клеопатра совратила Антония, подчинив себе «эту выдающуюся личность», она решительно хотела диктовать свою волю всему греко-римскому миру, а власть над Антонием была для нее первым шагом к мировому господству⁴². Едва ли это так, а амбиции царицы ученый несомненно преувеличивает. Общественное мнение Рима шокировало, что Антоний раздавал римские провинции Клеопатре и ее детям⁴³, это стало мощным аргументом пропаганды Октавиана, внушавшей квиристам, что его противник всецело подпал под власть египтянки. Но если принять точку зрения самого Антония, то ничего антипатриотичного он действительно не совершил: *свои* провинции он раздавал *своей* жене и *своим* детям от нее. И не потому, что покорно выполнял волю царицы. Конечно, за помощь Египта Антонию следовало платить. Но главное совсем не это: после победы он надеялся объединить под *своей* властью и Египет с дарованными ему землями, и весь Восток, и западные территории Римской державы. Клеопатра находилась в его власти и могла обеспечить мирное инкорпорирование Египта в Римское государство⁴⁴. Впрочем, сама Клеопатра могла воспринимать все это несколько иначе: как объединение двух стран под властью ее мужа, который сможет гарантировать переход власти по наследству к ее детям.

Однако в любом случае влияние царицы на Антония и его любовь к ней явно преувеличены⁴⁵. Одно латинское слово, примененное им для характеристики своих отношений с Клеопатрой в письме к Октавиану⁴⁶ позволяет очень серьезно усомниться в том, что к царице он относился трепетно. *Так* не пишут о *любимой женщине*. Она стала его любовницей, но, возможно, так и не смогла реально покорить его сердце⁴⁷. Правда, следует отметить, что по своему характеру Антоний

С. 117; Корф Н.А. История Востока, Греции и Рима для самообразования. СПб., 1878. С. 151; Дюкюдре Г. Краткая история цивилизации. Т. 1. Древний мир. СПб., 1895. С. 260; Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 343; Cambridge introduction to the history of mankind. Book 2. The Romans and their empire. Cambridge, 1970. P. 36; Grant M. Cleopatra. New York, 1972. P. 115, 117, 162.

⁴¹ Merivale C. The Roman triumvirates. London, 1976. P. 212.

⁴² Lindsay J. Op. cit. P. 274.

⁴³ Mahaffy J.P. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London, 1899. P. 248.

⁴⁴ Boak A.E.R. A history of Rome to 565 AD. New York, 1945. P. 249.

⁴⁵ Хьюз-Хэллет Л. Указ. соч. С. 74.

⁴⁶ Подробнее см.: Декс П. Указ. соч. С. 153.

⁴⁷ Scullard H.H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 BC. to AD. 68. London, 1964. P. 171.

не был креатором, а всего лишь исполнителем. Эту функцию он осуществлял и при Цезаре, и при Фульвии, привыкнув исполнять чужую волю. Поэтому он был хорош лишь на вторых ролях, под хорошим руководством, собственной инициативы и аналитичности ему явно не хватало. Грамотный тактик Антоний был слабым стратегом и просто не соответствовал тем задачам, которые возложили на него судьба и Клеопатра. Он всегда нуждался в сильном руководителе, притом таком, кому он мог бы всецело доверять и с которым его связывали бы общие цели. Клеопатра идеально подходила для такой роли. Движущей силой в этом союзе была она⁴⁸. В этой связке Антоний был не ведущим, а ведомым. Он мог оставаться прекрасным военачальником «при Цезаре», но—не мог стать единоличным повелителем Римской державы.

В характеристике личности Антония важно отметить, что мужественный воин обладал двумя «женскими качествами»: непостоянством и легкомыслием. Он был привязан к той женщине, рядом с которой находился в *данный момент*. Оказавшись вдали от нее, он легко переходил под влияние другой. Клеопатра, очевидно, хорошо это понимала. Именно этим, видимо, объясняется ее назойливое стремление постоянно, всегда и везде быть рядом с ним, не выпускать его из под своего контроля. Потому она и увязалась за ним в поход против Октавиана, где ее присутствие было абсолютно излишним. И тем самым ускорила поражение Антония и—свое собственное.

Почему в битве у Акция Клеопатра бежала сама и увела свой флот—мы не узнаем никогда. Существуют различные версии, в том числе—прорыв блокады⁴⁹, заранее продуманный стратегический план и т.п., но все они представляются нам абсолютно неубедительными. Никто не будет планировать собственное поражение! Факт есть факт: бегство египетского флота и последовавшего за ним Антония привели к победе Октавиана и гибели всех надежд Клеопатры. Видимо, это был просто страх женщины, впервые увидевшей горящие корабли и массы гибнущих людей. Почему Антоний в разгар битвы бросил флот и последовал за ней? Из за страха потерять любимую женщину (Plut. *Ant.* 66), но, возможно, это больше был страх, что Октавиан захватит царицу—и тогда Египет будет потерян для Антония навсегда. А вместе с ним—и *любая возможность* вести войну или хотя бы «торговаться» с Октавианом. Кроме того, Клеопатра сумела привязать Антония к себе, стать для него необходимой не только в постели, но и в жизни, став его ближайшим другом, устраивая для него развлечения и праздники, без которых триумвиру было скучно жить. Яркую и веселую женщину, если с ней хорошо и интересно, трудно забыть, и от нее очень сложно отказаться. Антоний, несмотря на некоторое легкомыс-

⁴⁸ БЕНГТСОН Г. Указ. соч. С. 344.

⁴⁹ ФРЭН И. Указ. соч. С. 410.

лие, очевидно, был очень привязчивым человеком. Наконец, в царице сосредоточились все его надежды на будущее.

В Египте после Акция Антоний на время впал в апатию, ходил унылый. Уважение к нему царицы, уважающей только сильных, должно было пошатнуться. Сама ее мысль бежать из Египта (см.: Plut. *Ant.* 69)—проявление неверия в силы Антония. Царица поняла—все потеряно. Думается, П. Декс прав—«Конечно, за спиной Антония Клеопатра пыталась договориться с Октавианом»⁵⁰. Если женщина перестает доверять мужчине и надеяться на него, считать его необходимым для себя—он ей больше не нужен. Царице—тем более. Традиционно считается, что в любви зрелая женщина намного расчетливее мужчины, психологически это вполне объяснимо—ей приходится просчитывать: каким мужем и отцом он будет, сможет ли обеспечить ее и ее детей, что он может ей дать.

Почему Антоний покончил с собой? Не потому, что, как ему сказали, Клеопатра умерла. Честь дороже жизни, таковы были римские принципы. Нам их не понять. Для триумвира все погибло, будущего у него уже не было. В перспективе—только казнь. По римским понятиям, недостойно nobilio погибнуть от руки палача. А легкомысленный Марк был все-таки порядочным человеком. Римляне уважали силу и победителей—«горе побежденным»! А проигрывать нужно достойно. Ему могло стать стыдно, что женщина с достоинством ушла из жизни, а он, мужчина и римлянин, продолжает цепляться за проигранную жизнь.

В завещании, составленном еще до начала войны с Октавианом, Антоний распорядился похоронить себя в Александрии, рядом с Клеопатрой (Plut. *Ant.* 58.8; Dio Cass. L.3.5.). Перед лицом смерти не лгут, завещание не предназначалось для посторонних глаз и действительно представляло собой *последнюю волю* человека. И если даже после смерти триумвир хотел находиться рядом с этой женщиной, то что-то в этом есть. Пусть даже не любовь, а страсть и привязанность, соединенные с уважением и дружеским расположением к царице Египта. И все это было обильно сдобрено «наркотиком секса»⁵¹. В своих чувствах к Клеопатре Антоний был открытее и беззащитнее ее, как и любой мужчина, привязавшийся к женщине, которая его не любит.

Видимо, действительно, для него сначала важны были политические цели, а потом он уже всерьез увлекся царицей, но у нее на первом плане всегда были соображения государственной пользы⁵². Клеопатра покончила с собой не от утраченной любви и не потому, что сама жизнь без Антония была для нее невыносимой. Главное—она не хотела

⁵⁰ Декс П. Указ. соч. С. 297.

⁵¹ См.: Фрэн И. Указ. соч. С. 319.

⁵² Машкин Н.А. Ук. соч. С. 217–218.

А. Беликов

украсить собой триумф Октавиана. Гордая царица не могла в цепях войти в Рим, который она при Цезаре покорила своим великолепием.

Обидно развенчивать красивую легенду. Любви, глубокой и всепоглощающей—не было. Любви, в которой растворяются без остатка и любят не для себя, а для другого, забывая о себе. Такой любви, когда можно отдать все—любой парный орган, лишь бы он понадобился любимому. Но отношения этих двух неординарных личностей, тем не менее, вызывают уважение. Это было партнерство, честное и взаимовыгодное, основанное на взаимной симпатии и уважении, дружбе и общих целях.

Пока дела шли успешно и они могли многое дать друг другу—все было прекрасно. После битвы при Акции ценность Антония, как политического партнера, резко упала. А поскольку *любви не было*, то как перспективный партнер он резко упал в глазах Клеопатры. Для Антония все начиналось с трезвого расчета, но затем он всерьез увлекся царицей, как натура привязчивая и слабая, легко подчиняющаяся чужой воле. Это не было любовью, вернее определить такое чувство как увлечение-подчинение с сильной степенью зависимости. Для Клеопатры же все как началось с *необходимости*, так ею и закончилось. Триумвир был нужен ей и ее государству. К тому же у нее уже был опыт подобных отношений с Юлием Цезарем, которого она, несомненно, уважала больше, чем Антония. Она была намного сильнее триумвира и рядом с ним не смогла стать *слабой женщиной*, а вынуждена была оставаться царицей. К Марку Антонию она до какой-то степени привязалась, но никогда не любила его по настоящему—согласимся с оценкой, данной Клеопатре другой женщиной⁵³. Если б она встретила действительно сильного мужчину, возможно, она и смогла бы познать радость любви...

ANTONY AND CLEOPATRA: HOT LOVE OR COLD ACCOUNT?

A. Belikov

The author on the basis of the analysis of the certificates of sources and extensive literature has tried to give the answer to a question - what attitude connected Antony and Cleopatra. Final conclusion: for Antony it began as political necessity, but then he has carried away by empress and became dependent from the queen, though it and was not love, and faster by passion and habit. Cleopatra actually never him loved, he is simple was necessary to her and to the her state, for queen it there was a political account, and she was free with feelings to him.

⁵³ См.: Фрэн И. Ук. соч. С. 340.